

УДК 343

DOI: 10.34670/AR.2026.70.66.075

Процессуальные гарантии прав участников уголовного судопроизводства при производстве обыска и выемки

Исламов Шамиль Исламович

Магистрант,
Дагестанский государственный университет,
367000, Российская Федерация, Махачкала, ул. Гаджиева, 43-а;
e-mail: Islamov@mail.ru

Аннотация

В статье исследуются процессуальные гарантии прав участников уголовного судопроизводства при производстве обыска и выемки как следственных действий, наиболее существенно затрагивающих конституционные права личности, право собственности, тайну частной жизни, профессиональные тайны и право на защиту. Анализируются нормативные основания обыска и выемки, соотношение судебного контроля, прокурорского надзора, ведомственного процессуального контроля и последующего обжалования. Особое внимание уделяется критериям законности, обоснованности и соразмерности ограничения прав, участию понятых и адвоката, фиксации хода следственного действия, обеспечению адвокатской тайны, а также проблемам изъятия электронных носителей информации. Сделан вывод о том, что эффективность гарантий зависит не только от формального соблюдения процессуальной формы, но и от реальной мотивированности решения о производстве следственного действия, конкретизации предмета поиска и пределов изъятия, возможности заинтересованных лиц заявлять замечания и пользоваться механизмами судебной защиты.

Для цитирования в научных исследованиях

Исламов Ш.И. Процессуальные гарантии прав участников уголовного судопроизводства при производстве обыска и выемки // Вопросы российского и международного права. 2026. Том 16. № 4А. С. 619-626. DOI: 10.34670/AR.2026.70.66.075

Ключевые слова

Уголовное судопроизводство, обыск, выемка, процессуальные гарантии, судебный контроль, понятые, адвокатская тайна, электронные носители информации, права участников процесса.

Введение

Обыск по смыслу уголовно-процессуального закона производится при наличии достаточных данных полагать, что в каком-либо месте или у какого-либо лица могут находиться орудия, оборудование или иные средства совершения преступления, предметы, документы и ценности, имеющие значение для уголовного дела [УПК РФ, 2001, ст. 182, ст. 182]. Ключевым элементом здесь является вероятностный характер фактического основания: следователь предполагает наличие искомых объектов, но точное место их нахождения может быть неизвестно.

Выемка, напротив, производится при необходимости изъятия определенных предметов и документов, имеющих значение для уголовного дела, если точно известно, где и у кого они находятся [УПК РФ, 2001, ст. 182]. Поэтому выемка имеет более определенный предмет и меньший поисковый элемент. В научной литературе обращается внимание на то, что правовая конструкция выемки вызывает дискуссии, поскольку в ней сочетаются элементы добровольной передачи и принудительного изъятия [Башинская, 2020, с. 41–45]. Этот спор имеет не только теоретическое, но и практическое значение: если следователь фактически осуществляет поиск неопределенного круга объектов под видом выемки, происходит подмена процессуальной формы и ослабление гарантий лица, у которого производится следственное действие.

Основная часть

В доктрине существуют два основных подхода к разграничению обыска и выемки. Первый подход исходит из степени определенности предмета и места нахождения объекта: при обыске объект предполагается, при выемке — индивидуализирован и локализован. Второй подход делает акцент на интенсивности принуждения: обыск предполагает активное обследование помещений, вещей и иных объектов, тогда как выемка должна быть ориентирована на получение заранее известного предмета или документа [Костюк, 2020, с. 112–115]. Представляется, что оба критерия должны применяться совместно. Если предмет не конкретизирован либо следователь не располагает достоверными данными о его местонахождении, использование выемки вместо обыска нарушает требования правовой определенности.

Первичной гарантией является наличие законного и фактического основания. Для обыска законодатель использует категорию «достаточные данные» [УПК РФ, 2001]. По мнению А. В. Осипова, структура фактических оснований обыска включает качественную и количественную составляющие: важны не только объем информации, но и ее содержание, форма получения и связь с предметом доказывания [Осипов, 2022, с. 92–97]. Данный подход представляется убедительным, поскольку формальное указание на оперативную или следственную информацию без раскрытия ее связи с искомыми объектами не обеспечивает проверяемость решения.

Судебный контроль выступает центральной гарантией при обыске и выемке в жилище, а также при выемке предметов и документов, содержащих государственную или иную охраняемую законом тайну, сведений о вкладах и счетах граждан, вещей, заложенных или сданных на хранение в ломбард. Судья рассматривает ходатайство следователя или дознавателя в порядке ст. 165 УПК РФ и выносит постановление о разрешении производства следственного действия либо об отказе в его производстве.

Постановление Пленума Верховного Суда РФ № 19 подчеркивает необходимость соблюдения подсудности, процессуальной формы ходатайства и мотивированности судебного решения [Постановление Пленума ВС РФ № 19, 2017]. Значение этих разъяснений состоит в том, что судебный контроль не должен сводиться к формальной легализации позиции органа расследования. Суд обязан оценить наличие данных, подтверждающих необходимость ограничения конституционного права, связь искомых объектов с уголовным делом, а также невозможность достижения цели менее интенсивными средствами.

Исключительный порядок, предусмотренный ч. 5 ст. 165 УПК РФ, допускает производство обыска или выемки в жилище без предварительного судебного решения в случаях, не терпящих отлагательства, но требует последующего уведомления судьи и прокурора, а также проверки законности следственного действия. Эта конструкция может рассматриваться как компромисс между интересами расследования и защитой прав личности. Однако ее гарантийное значение зависит от строгого толкования признака неотложности. Само по себе удобство расследования, опасение утраты доказательств без конкретного обоснования либо стремление ускорить следственное действие не должны признаваться достаточными основаниями для обхода предварительного судебного контроля.

Процессуальная форма обыска содержит ряд гарантий, направленных на минимизацию произвольного вмешательства. До начала обыска следователь обязан предъявить постановление, а при обыске в жилище — судебное решение [УПК РФ, 2001, ст. 182]. Это обеспечивает информирование лица о правовом основании вмешательства и позволяет ему заявить возражения, ходатайства, замечания.

Следующая гарантия — предложение добровольно выдать подлежащие изъятию предметы, документы и ценности. Если объекты выданы добровольно и отсутствуют основания опасаться их сокрытия, следователь вправе не производить обыск. Данная норма имеет важное правозащитное значение: она ориентирует орган расследования на наименее ограничительный способ достижения цели следственного действия. Однако ее эффективность снижается, если предложение о добровольной выдаче формально включается в протокол уже после фактического начала поисковых действий.

Особое значение имеет участие лица, в помещении которого производится обыск, либо совершеннолетних членов его семьи, а также право присутствия защитника или адвоката лица, в помещении которого производится обыск. Присутствие адвоката не превращает обыск в состязательную процедуру в полном смысле, но создает дополнительные условия для фиксации нарушений, заявления замечаний, контроля за пределами изъятия и защитой тайны частной жизни.

Закон также требует принимать меры к неразглашению обстоятельств частной жизни, личной и семейной тайны, выявленных в ходе обыска. Эта гарантия особенно важна при обыске жилища, офисов, медицинских, адвокатских и иных помещений, где могут находиться сведения, не относящиеся к делу. Следовательно, следователь должен ограничивать круг лиц, знакомящихся с такими сведениями, и обеспечивать их отражение в протоколе только в пределах относимости к предмету доказывания.

Участие понятых традиционно рассматривается как средство внешнего удостоверения факта, хода и результатов следственного действия. При производстве обыска, а также в случаях, предусмотренных законом при выемке, участие не менее двух понятых является обязательным. В иных случаях следователь может использовать технические средства фиксации. Современное регулирование демонстрирует постепенный переход от классической модели понятых к модели

технической фиксации, что отражает потребность в более объективном способе контроля.

Вместе с тем понятые не всегда способны реально оценить законность действий следователя. Их функция чаще ограничивается удостоверением факта обнаружения и изъятия. Поэтому оптимальной является комбинированная модель: участие понятых должно сопровождаться видеозаписью ключевых этапов следственного действия, особенно вскрытия помещений, обнаружения объектов, упаковки, опечатывания и передачи копии протокола.

Протокол следственного действия является центральным процессуальным документом, обеспечивающим проверяемость обыска и выемки. Он составляется в ходе следственного действия или непосредственно после его окончания; в нем указываются место, дата, время начала и окончания, участники, последовательность действий, примененные технические средства, заявления и замечания участвующих лиц. При обыске в протоколе дополнительно фиксируется, где и при каких обстоятельствах обнаружены предметы, выданы ли они добровольно или изъят принудительно, а также индивидуальные признаки изымаемых объектов.

Гарантийное значение протокола проявляется в трех аспектах. Во-первых, он обеспечивает последующую судебную проверку. Во-вторых, позволяет участникам процесса фиксировать возражения и замечания. В-третьих, от полноты протокола зависит допустимость производных доказательств: осмотра изъятых предметов, заключений экспертов, вещественных доказательств. Нарушения, связанные с отсутствием указания на место обнаружения, индивидуальные признаки, упаковку и подписи участников, могут поставить под сомнение достоверность результатов следственного действия.

Выемка имеет более узкую цель, чем обыск, поэтому гарантии при ее производстве должны быть связаны прежде всего с конкретизацией предмета изъятия. До начала выемки следователь предлагает выдать предметы и документы, подлежащие изъятию, а при отказе производит выемку принудительно. В отличие от обыска, выемка не должна превращаться в обследование неопределенного круга помещений или носителей информации.

Научные дискуссии о сущности выемки связаны с вопросом, является ли она самостоятельным следственным действием или разновидностью процессуального изъятия. И. Г. Башинская указывает на неоднозначность законодательной конструкции добровольного и принудительного характера выемки [Башинская, 2020, с. 41–45]. А. В. Костюк обращает внимание на необходимость разграничивать выемку как следственное действие и иные формы изъятия объектов в уголовном процессе [Костюк, 2020, с. 112–115]. Сравнение этих позиций позволяет сделать вывод: самостоятельность выемки оправдана только тогда, когда сохраняется ее ключевой признак — заранее определенный объект, находящийся в известном месте у известного лица.

Отсюда вытекает практическое требование: постановление о выемке должно индивидуализировать предметы или документы, а также указывать данные, подтверждающие их нахождение у конкретного лица. Недостаточная конкретизация создает риск расширительного усмотрения следователя и фактического проведения обыска без соблюдения гарантий, предусмотренных для обыска.

Особую группу гарантий составляют правила производства обыска, осмотра и выемки в отношении адвоката. Согласно ст. 450.1 УПК РФ такие действия производятся только на основании постановления судьи и при участии представителя адвокатской палаты, обеспечивающего неприкосновенность предметов и сведений, составляющих адвокатскую тайну. В судебном постановлении должны быть указаны конкретные отыскиваемые объекты;

изъятие иных объектов не допускается, кроме предметов и документов, изъятых из оборота [Постановление Пленума ВС РФ № 19, 2017].

Эта специальная процедура направлена не на создание профессиональной привилегии адвоката как частного лица, а на защиту права доверителя на квалифицированную юридическую помощь и конфиденциальность общения с защитником. Практика Европейского суда по правам человека также исходит из того, что обыск у адвоката требует особенно строгих гарантий. В деле *Smirnov v. Russia* Суд отметил, что чрезмерно широкие формулировки ордера на обыск и отсутствие достаточных гарантий против вмешательства в профессиональную тайну привели к нарушению права на уважение жилища. Несмотря на изменение современного статуса практики ЕСПЧ для России, эти выводы сохраняют значение как сравнительно-правовой стандарт оценки пропорциональности вмешательства.

Гарантии тайны распространяются не только на адвокатскую деятельность. При выемке документов, содержащих государственную или иную охраняемую федеральным законом тайну, а также сведений о вкладах и счетах граждан, требуется судебное решение [УПК РФ, 2001, ст. 183, ст. 183]. Следовательно, законодатель дифференцирует степень защиты в зависимости от характера информации. Чем выше риск затрагивания конституционных или профессиональных тайн, тем более строгим должен быть предварительный контроль.

Современная практика обыска и выемки все чаще связана с изъятием электронных носителей: компьютеров, серверов, мобильных устройств, внешних дисков, облачных ключей доступа. Такие объекты содержат значительный массив информации, далеко не всегда относящейся к уголовному делу. Поэтому изъятие цифрового носителя может быть более интенсивным вмешательством, чем изъятие отдельного бумажного документа.

Статья 164.1 УПК РФ предусматривает специальные правила изъятия электронных носителей информации и копирования данных. В установленных законом случаях изъятие электронных носителей не допускается, кроме ситуаций, когда назначена судебная экспертиза, изъятие производится на основании судебного решения либо имеются специальные основания, связанные с незаконностью владения информацией, возможностью ее использования для новых преступлений или риском утраты при копировании. Электронные носители изымаются с участием специалиста; по ходатайству законного владельца или обладателя информации осуществляется копирование данных.

Данная норма имеет выраженный гарантийный потенциал, однако в практике сохраняются проблемы. Во-первых, не всегда разграничивается изъятие самого носителя и получение информации, содержащейся на нем. Во-вторых, изъятие всего устройства может парализовать деятельность организации, хотя для целей расследования достаточно копирования отдельных файлов. В-третьих, в протоколах не всегда подробно отражаются технические средства, порядок копирования, хеш-суммы, упаковка и условия хранения носителей. Поэтому необходима более последовательная ориентация на принцип минимизации вмешательства: изыматься должен не максимально широкий массив данных, а только информация, относимая к предмету доказывания.

Гарантии не исчерпываются стадией производства обыска или выемки. Лица, чьи права нарушены, вправе обжаловать действия и решения должностных лиц. Последующая судебная проверка особенно значима в случаях, когда следственное действие произведено без предварительного судебного решения по мотиву неотложности. Если судья признает такое действие незаконным, доказательства, полученные в его результате, признаются недопустимыми.

Вопрос допустимости доказательств является ключевым для оценки реальности процессуальных гарантий. Если нарушение процедуры не влечет эффективных последствий, гарантия превращается в декларацию. Поэтому незаконный или необоснованный обыск должен оцениваться не только как нарушение прав лица, но и как дефект способа собирания доказательств. Осипов справедливо указывает, что результаты незаконного или необоснованного обыска не могут использоваться в доказывании, а исключение протокола обыска способно повлечь недопустимость производных доказательств [Осипов, 2022, с. 92–93].

В то же время не всякое формальное нарушение должно автоматически исключать доказательство. Необходимо различать технические недостатки и существенные нарушения, затрагивающие права участников и достоверность результата. Существенными следует признавать, в частности: отсутствие законного основания; производство обыска в жилище без судебного решения при отсутствии реальной неотложности; неопределенность предмета выемки; изъятие объектов, не указанных в судебном решении, при производстве действия в отношении адвоката; недопуск адвоката при наличии возможности его участия; отсутствие фиксации индивидуальных признаков изъятых предметов; нарушение правил упаковки и опечатывания.

Заключение

Сравнение научных подходов показывает, что наиболее перспективной является модель, основанная на трех критериях: законность, обоснованность и соразмерность. Законность требует точного соблюдения УПК РФ; обоснованность — наличия проверяемых данных, связывающих искомые объекты с уголовным делом; соразмерность — выбора наименее ограничительного способа достижения цели расследования. Для обыска ключевым является контроль за достаточностью данных и пределами поиска. Для выемки — конкретизация предмета и недопустимость подмены выемки фактическим обыском. Для электронных носителей — минимизация изъятия и приоритет копирования относимой информации. Для адвокатской тайны — предварительное судебное решение, конкретизация объектов и участие представителя адвокатской палаты.

Таким образом, дальнейшее совершенствование гарантий должно быть направлено не столько на расширение перечня формальных процедур, сколько на повышение качества судебной и протокольной проверки: конкретность судебных решений, обязательную фиксацию ключевых этапов следственного действия, реальную возможность участия адвоката, строгую оценку неотложности и эффективное исключение доказательств, полученных с существенным нарушением прав участников процесса.

Библиография

1. Башинская И. Г. Уголовно-процессуальная сущность и содержание выемки // Общество и право. 2020. № 1 (71). С. 41–45.
2. Качалов Е. В. Ограничение прав участников досудебного производства в уголовном процессе // Правовое государство: теория и практика. 2022. № 2. С. 83–93. – DOI: 10.33184/pravgos-2022.2.9.
3. Конституция Российской Федерации : принята всенародным голосованием 12.12.1993 : с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/.
4. Костюк А. В. Выемка как процессуальное действие в уголовном судопроизводстве // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2020. № 4. С. 112–115.
5. Меркулов М. А., Абросимов И. И. Актуальные проблемы производства обыска и выемки в контексте

- обеспечения безопасности прав участников уголовного процесса // Вестник Прикамского социального института. 2020. № 1 (85). С. 40–44.
6. О практике рассмотрения судами ходатайств о производстве следственных действий, связанных с ограничением конституционных прав граждан : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 01.06.2017 № 19. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_217749/.
7. Осипов А. В. Структура фактических оснований производства обыска // Криминалистика. 2022. № 4 (41). С. 92–97.
8. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации : Федеральный закон от 18.12.2001 № 174-ФЗ : ред. от 08.03.2026. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34481/

Procedural Guarantees of the Rights of Participants in Criminal Proceedings During the Conduct of Search and Seizure

Shamil' I. Islamov

Master's Degree Student,
Dagestan State University,
367000, 43-a, Gadzhieva str., Makhachkala, Russian Federation;
e-mail: Islamov@mail.ru

Abstract

The article examines the procedural guarantees of the rights of participants in criminal proceedings during the conduct of search and seizure as investigative actions that most significantly affect the constitutional rights of the individual, the right to property, the privacy of private life, professional secrets, and the right to defense. The normative grounds for search and seizure, the correlation of judicial control, prosecutor's supervision, departmental procedural control, and subsequent appeal are analyzed. Particular attention is paid to the criteria of legality, reasonableness, and proportionality of the restriction of rights, the participation of attesting witnesses and a lawyer, the recording of the course of the investigative action, the safeguarding of attorney-client privilege, as well as the problems of seizing electronic storage media. A conclusion is drawn that the effectiveness of guarantees depends not only on the formal observance of the procedural form but also on the actual motivation of the decision to conduct the investigative action, the specification of the subject of the search and the limits of seizure, the ability of interested persons to make remarks and use the mechanisms of judicial protection.

For citation

Islamov Sh.I. (2026) Protsessual'nye garantii prav uchastnikov ugolovnogo sudoproizvodstva pri proizvodstve obyska i vyemki [Procedural Guarantees of the Rights of Participants in Criminal Proceedings During the Conduct of Search and Seizure]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 16 (4A), pp. 619-626. DOI: 10.34670/AR.2026.70.66.075

Keywords

Criminal proceedings, search, seizure, procedural guarantees, judicial control, attesting witnesses, attorney-client privilege, electronic storage media, rights of participants in proceedings.

References

1. Bashinskaya, I. G. (2020). Ugolovno-protsessualnaya sushchnost i sodержanie vyemki [Criminal procedural essence and content of seizure]. *Obshchestvo i pravo*, 1(71), 41-45.
2. Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote on December 12, 1993, with amendments approved on July 1, 2020). (1993). Retrieved from https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/
3. Criminal Procedure Code of the Russian Federation No. 174-FZ of December 18, 2001 (as amended on March 8, 2026). (2001). Retrieved from https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34481/
4. Kachalov, E. V. (2022). Ogranichenie prav uchastnikov dosudebnogo proizvodstva v ugolovnom protsesse [Restriction of rights of participants in pre-trial proceedings in criminal procedure]. *Pravovoe gosudarstvo: teoriya i praktika*, 2, 83-93. <https://doi.org/10.33184/pravgos-2022.2.9>
5. Kostyuk, A. V. (2020). Vyemka kak protsessualnoe deystvie v ugolovnom sudoproizvodstve [Seizure as a procedural action in criminal proceedings]. *Gumanitarnye, sotsialno-ekonomicheskie i obshchestvennye nauki*, 4, 112-115.
6. Merkulov, M. A., & Abrosimov, I. I. (2020). Aktualnye problemy proizvodstva obyska i vyemki v kontekste obespecheniya bezopasnosti prav uchastnikov ugolovnogo protsessa [Current problems of search and seizure in the context of ensuring the safety of the rights of participants in criminal proceedings]. *Vestnik Prikamskogo sotsialnogo instituta*, 1(85), 40-44.
7. Osipov, A. V. (2022). Struktura fakticheskikh osnovaniy proizvodstva obyska [The structure of factual grounds for conducting a search]. *Kriminalist*, 4(41), 92-97.
8. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation No. 19 of June 1, 2017 "On the practice of courts considering petitions for investigative actions related to the restriction of constitutional rights of citizens". (2017). Retrieved from https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_217749/